

А. А. Сафронов

ОТНОШЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ К ПРОВЕДЕНИЮ ПЕРВОЙ ВСЕОБЩЕЙ ПЕРЕПИСИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 1897 г.: СЛУХИ, ТОЛКИ, ВОЛНЕНИЯ

В октябре 2002 г. в России пройдет очередная всеобщая перепись населения. Ее цели, ход подготовительных работ широко освещают все средства массовой информации — телевидение, радио, пресса. Особое внимание уделяется PR-обеспечению этого крупнейшего статистического мероприятия. Среди рекламных агентств был проведен конкурс на право проведения информационно-разъяснительной работы, выявивший победителя — Компанию развития общественных связей. На телевидении повторяются рекламные ролики, в Интернете размещен официальный сайт, целиком посвященный предстоящей переписи (www.perepis2002.ru).

Проведение Первой всеобщей переписи населения 1897 г. в стране, где подавляющее большинство населения составляли малограмотные крестьяне, безусловно, требовало особой разъяснительной работы. К сожалению, она была проведена не на должном уровне, и проведение переписи вызвало далеко не однозначную реакцию многомиллионного населения России. Вопрос об отношении народа к переписи, проводимой впервые 105 лет назад, представляет особый научный интерес.

Существует довольно широкая источниковая база, позволяющая выяснить отношение народных масс к переписи 1897 г. Большой материал об этом содержится в отчете уполномоченного для объединения действий местных учреждений по Первой всеобщей переписи населения в Тверской, Ярославской и Костромской губерниях Я.А. Плющевского-Плющика. Этот отчет был написан не только на основе личных наблюдениях автора, полученных во время инспектирования своего района, но, что особенно ценно, на основе отзывов заведующих переписными участками и счетчиков, т. е. тех людей, которые, по словам автора отчета, «... и вынесли все это сложное, спешное и трудное дело на своих плечах»¹. Следует отметить, что Я.А. Плющевский-Плющик был единственным из 27 уполномоченных по проведению переписи, кто опубликовал подобный документ.

Отголоски отношения народа к переписи были зафиксированы и журналистами на страницах газет 1896—1897 гг. Глухие сведения об этом имеются в журнале заседаний Главной переписной комиссии, действовавшей в Петербурге. 4 января 1897 г. на 70-м заседании Главной переписной комиссии управляющий ее делами, председатель Центрального статистического комитета Н.А. Тройницкий сделал сообщение «О недоразумениях, возникших в некоторых привисленских губерниях при начальных действиях по производству переписи, и о мерах, принятых ... министром внутренних дел к устранению этих недоразумений»². На 71-м заседании 9 января 1897 г. снова было «доложено о замешательствах», произошедших не только в привисленских губерниях, но и приволжских, и о мерах, предпринятых Министерством внутренних дел³. Эти сведения фиксировались в журнале комиссии в кратком виде, буквально в одном-двух предложениях⁴.

Большой интерес представляют отчеты уездных и губернских переписных комиссий, составившиеся сразу же после завершения переписи. Уездные комиссии подавали губернским, которые сводили данные воедино, составляли общий отчет. Все отчеты с мест — и уездные, и губернские — направлялись в Главную переписную комиссию в столицу и отложились в делах Центрального статистического управления в фонде 1290 Российского государственного исторического архива в Петербурге. По Вятской губернии имеется два дела, по Пермской и Уфимской — по три. Это «Отчеты о деятельности и журналы заседаний переписных комиссий...». К сожалению, отчеты по Оренбургской губернии по неизвестным нам причинам в фонде отсутствуют; по-видимому, они не сохранились.

В связи с волнениями народа, охватившими ряд мест Российской империи по случаю переписи, появились донесения губернаторов министру внутренних дел, донесения начальников жандармских управлений в Департамент полиции МВД. Последние содержат наиболее емкую и полную информацию об отрицательном, по сути — враждебном отношении народа некоторых территорий к проведению переписи. Здесь же отложились и копия представления прокурора Уфимского окружного суда прокурору Казанской судебной палаты. Эти материалы не изучались нашими историками: на листах использования дел имеется помета о их выдаче в 1930-х гг.; в 2000 г. их просматривала лишь исследовательница из Франции.

Согласно отчету уполномоченного по переписи населения в Тверской, Ярославской и Костромской губерниях Я.А. Плющевского-Плющика, в этих трех губерниях «... никакого сопротивления перепись в среде народной не встретила, отношение народа к самой переписи и ее исполнителям, за редкими единичными исключениями, было вполне благодушное»⁵. То, что о проведении переписи было объявлено именным

указом императора Николая II, по мнению автора, принесло немалую пользу в формировании позитивного (или, по крайней мере, нейтрально-го) настроения населения. В отчете приводятся следующие суждения народа о переписи: «... молодой царь пожелал знать свою семью», «... перепись нужна для батюшки царя, который никого не забывает» и т. п. В целом, «не понимая значения переписи, не доверяя всем разъяснениям, толкую ее по своему, народ все-таки считал ее делом государевым, царским»⁶.

Но, поскольку столь масштабная перепись проводилась в России впервые, исходила от самой верховной власти, круг сведений, собираемый о каждом жителе, был необычайно широк: интересовались семьей, вероисповеданием, кругом занятий и т. п.; не удивительно, что ее проведение породило в народной среде невероятные слухи, толки, опасения, как всякое непривычное дело. Впервые перепись затрагивала всех, от старика до младенца, мужчин и женщин. Это, безусловно, усиливало ее необычность.

Сами власти осознавали предстоящие трудности. В специальной брошюре, подготовленной Главной переписной комиссией и изданной в 1896 г. под названием «Первая всеобщая перепись населения Российской империи», предсказывалось: «О всеобщей переписи, конечно, будут много спрашивать и толковать в народе. Толковать и прямо, и криво, потому что везде найдутся отдельные люди, которые готовы объяснять все, а с пушей охотой как раз то, что они меньше всего понимают»⁷. Эта брошюра была напечатана в Санкт-Петербурге большим тиражом — 60 000 экземпляров, допечатывалась и на местах, в губернских типографиях. Так, в фонде Туринской областной комиссии в Государственном архиве Свердловской области имеется брошюра, изданная в 1896 г. в Тобольске⁸. По ходатайству казанского губернатора Главная переписная комиссия разрешила делать перевод этой брошюры «на местные наречия», чтобы лучше донести ее смысл до нерусских народов⁹.

В связи с «замешательствами», произошедшими в привисленских и приволжских губерниях в ходе подготовки к переписи, 4 января 1897 г. Главной переписной комиссии был представлен проект Объявления от имени министра внутренних дел, «имеющий целью ознакомить население со значением предстоящей переписи»¹⁰. В спешном виде текст Объявления от Министерства внутренних дел на крупном листе был отпечатан в типографии МВД и разослан по губерниям, оттуда — по губернским переписным комиссиям. В деле Туринской окружной комиссии отложилось это отпечатанное в столице Объявление, подписанное министром внутренних дел шефом жандармов И.Л. Горемыкиным и директором Центрального статистического комитета, управляющим делами Главной переписной комиссии Тройницким, но сам текст подавался от лица министра¹¹.

Горемыкин отмечал, что перепись «повелеть соизволил произвести ... по всей России» сам государь император. Предпринимается она «для пользы самого населения», это «новое проявление всемилостивейшего попечения о нем государя императора». Чтобы пресечь слухи в народе о чисто фискальных целях мероприятия, министр прямо заявлял: «Всеобщая перепись не походит нисколько на прежние ревизии, считавшие только плательщиков подушной подати, которая теперь почти по всему государству уже отменена; предстоящая всеобщая перепись не будет служить ни для каких новых налогов или повинностей, а равно каких-либо новых льгот».

Народу разъяснялось, что перепись проводится «только для того, чтобы было точно известно, как велико число населения государства, как распределяется это население по возрасту, полу, сословию, вероисповеданию, родному языку, занятиям, как оно расселено по городам, селам и деревням и сколько между ним грамотных, сколько слепых, глухонемых и проч.».

Министр обращался к населению с призывом правильно ответить на все поставленные вопросы: «чем толковее, полнее и добросовестнее будет отвечать каждый из жителей на вопросы переписных листов, тем вернее будет счет населения, а значит, тем пригоднее он будет, когда правительству придется позаботиться о той или другой нужде населения или направить как следует какое-либо государственное дело».

Население успокаивалось: «Вопросы в переписных листах таковы, что откровенный ответ на них никоим образом не может навлечь на отвечающего или его близких никакой неприятности или ответственности. Уклоняться от правильных и точных ответов при переписи нет причин, потому что никаких документов при переписи не спрашивают и не проверяют; никаких преследований за проживание без письменных видов со стороны полиции при переписи предприниматься не будет».

Министр выражал уверенность, что «священная воля его величества будет исполнена всем населением с должным старанием и по доброй совести».

Но это Объявление появилось на свет слишком поздно, когда перепись уже шла полным ходом, и вряд ли оно успело сыграть какую-либо роль в успокоении умов. Семь текстов Объявления, поступивших в Туринскую окружную переписную комиссию, так и остались подшитыми в деле, что позволяет предположить: окружная комиссия эти разъяснения «похоронила» среди своих многочисленных бумаг и до населения не донесла по причине окончания переписи.

Слухи, надежды и опасения в связи с предстоящей переписью, ходившие среди жителей Тверской, Ярославской и Костромской губерний,

уполномоченный Плющевский-Плющик в свое время разделил на три основных группы¹²:

1) Ожидания прирезки и передела земли отмечались у большинства крестьян. Грядущую перепись они воспринимали «... как подготовительную работу к ревизии, предвещающую наделение крестьян землею по числу наличных душ»¹³.

2) Среди городского и сельского промышленного населения ходили слухи, что главной целью переписи должен стать сбор фискальной информации для установления новых налогов. Источником этих слухов послужил подробный сбор счетчиками сведений о главных и побочных занятиях и ремеслах (графа 14 переписного листа).

3) Толки религиозного характера. Непонимание целей переписи подвигало многих, особенно в раскольничьей среде, давать свое толкование переписным мероприятиям. По данным Плющевского-Плющика, «...взгляд на перепись, как на “антихристову”, и на счетчиков, как на слугителей антихриста, прикладывающих его печать» отмечался во всех трех верхневолжских губерниях¹⁴.

Автор отчета справедливо связывал отношение к переписной кампании с уровнем образованности людей: «...сравнительно развитостью и грамотностью населения Ярославской губернии следует объяснить то, что в ней встречалось всего меньше нелепых толков, которые преобладали во многих местах Костромской губернии, где крестьяне даже Костромского уезда, ужасаясь количеству работ по переписи, удивлялись, как можно тратить целый лист бумаги на записку одного или двух лиц». Отмечали интерес в народе к проведению переписи и некоторые сельские счетчики, «всегда, впрочем, связывая такой интерес с распространением грамотности в той или другой местности»¹⁵.

Подобную связь отмечали счетчики и в других губерниях России. В газете «Биржевые ведомости» в обзорной статье, посвященной проведению переписи, подчеркивалось: «По наблюдениям счетчиков видно, что везде охотно давали всякие объяснения те крестьяне, которые могли читать поданный им печатный переписной лист. Они ничуть не сомневались в прямой настоящей цели великого государственного дела. Но как только переписные листы попадали в неграмотные семьи и к темным мужикам, начинались самые дикие расспросы, мужики бледнели, бабы дрожали, пугаясь счетчиков, дети с ревом удирали»¹⁶.

В отдельных местностях, где ожидания народа в связи с переписью были положительными (ждали прирезки земли), перепись встречали с воодушевлением. В газете «Народ», отложившейся в делах Центрального статистического управления в РГИА, курский корреспондент сообщал: «... В общем население охотно давало сведения о себе, а у многих из простонародья рвение к переписи было столь велико, что они просили

счетчиков записать и их покойничков. А одна баба, рыдая перед счетчиком, приговаривала: “Три дня только как сыночка похоронила и его бы записали; может быть, и ему прирезка землицы была”¹⁷.

Большую тревогу, боязнь, полное отвержение предстоящая перепись вызывала у неправославного населения России — раскольников, униатов, мусульман. Как справедливо писал Плющевский-Плющик, все вопросы переписи, в особенности о вероисповедании, раскольниками «обсуждались и истолковывались, главным образом с точки зрения интересов вероучения, как и всякое новое событие в жизни народной, в котором они всегда видят новшество»¹⁸.

Поскольку в графе 11 переписного листа должны были указываться сведения, к какому толку принадлежат раскольники, многие из них целью переписной кампании посчитали сбор сведений о «вероотступниках» и ожидали возобновления репрессий. Среди раскольников пошли толки о том, что «перепись знаменует возобновление гонений против их учения и назначена для его искоренения, что все староверы будут после переписи наказаны. Посредством ее-де приведены будут в известность все сектанты для обращения их в православие и ссылок непокорных в Сибирь... и на Кавказ»¹⁹.

Счетчики в Костромском уезде сообщали, что православные крестьяне приносили весть об Антихристе, конце мира будто бы предвещавшуюся переписью, с базаров от староверов. «Странники и женщины, среди которых распространялись и поддерживались такие рассказы, решили, что народившийся и уже ходящий в народе белый с русой бородой антихрист (Угличский уезд), сам орудует переписью в Москве, а народ переписывать послал счетчиков, своих приближенных чиновников, снабдив их листами с печатью антихриста (антиева печать — государственный герб на первой странице) и обязав накладывать на всех переписываемых печать с таким знаком. В Ростовском уезде ходил слух, что какая-то женщина-монахиня прилетела в столицу на воздушном шаре и там «где следует объявила рождение антихриста»²⁰.

Интересны показания счетчиков о том, что грамотные раскольники «иногда умалчивали о своей грамотности, будучи убеждены, что их будут поуждать подписывать листы, на коих они видели печать Антихриста»²¹.

По словам одного из счетчиков, «раскольники, при входе к ним в дом, были очень встревожены, испуганы. Некоторые из них даже отказывались от принадлежности к расколу, не признавая себя в то же время и православными. Наоборот, являлись и такие фанатики, которые, предупреждая вопрос о вероисповедании заявлением о принадлежности их к какой-нибудь раскольничьей секте, прибавляли, что, несмотря ни на ка-

кие гонения и притеснения, несмотря даже на ссылку в Сибирь, они никогда не изменяют своей вере».

Среди раскольников Тверской, Ярославской и Костромской губерний в связи с подготовкой переписи начали распространяться апокалиптические настроения. Первой они считали перепись, проведенную при царе Давиде в Иудее, второй — в Римской империи при рождении Христа, а грядущую перепись России расценивали как третью и последнюю перед концом света²².

Даже в самих переписных листах формы *А* и *Б*, наиболее фанатичные старообрядцы видели соответственно листы *Антихристовы* и *Боговы*, счетчиков усиленно упрасивали и молили записать не в лист формы *А*, а в форму *Б*²³. В Херсонской губернии такой фанатизм привел к трагедии: «...несколько старообрядцев заживо погребли себя, чтобы не быть записанными антихристу», поэтому позже, при подготовке второй переписи населения России в 1909 г., председатель Херсонской губернской земской управы предлагал отказаться от использования букв в формах переписных листов²⁴.

В Сибири, в Бирском округе Томского губернии, как отмечал в донесении в Департамент полиции начальник губернского жандармского управления, старообрядцы отказались отвечать на вопросы счетчиков, боясь, что будут «налагать на них печать антихриста, пригонят к церкви и тогда они будут люди не Божии, а антихристовы». После «увещаний и разъяснений» перепись все-таки состоялась, однако 53 семьи так и не решились принять в ней участие, а 9 семей «скрылись неизвестно куда»²⁵. 23 января 1897 г. на заседании Главной переписной комиссии слушали статью из газеты «Енисей» об отношении раскольников Енисейской губернии к переписи: часть их уклонялась от переписи, уходила «в самые отдаленные места», но основная масса, «несмотря на несочувственное отношение» к переписи, уклоняться не намеревалась²⁶.

Перепись вызвала большие волнения и среди жителей западных губерний России. В феврале 1897 г. Министерство народного просвещения сообщало министру внутренних дел: «...Причины волнений среди крестьян Седлецкой губернии по случаю всенародной переписи обусловлены многими обстоятельствами, но повод для сих волнений везде один и тот же: крестьяне из среды бывших униатов, наклонных к католицизму, убеждены в том, что если они на переписи заявят себя католиками, то за ними будет признано право на сие вероисповедание. Поэтому они крайне интересовались знать, как они записаны в переписных списках, и в тех случаях, когда таковые листы не были им показываемы, они прибегали к насилиям для отобрания этих листов»²⁷.

Особые трудности возникли при проведении переписи среди татарского населения Казанской губернии. Еще на стадии первого обхода

счетчики столкнулись с серьезным сопротивлением: люди отказывались давать о себе сведения, не пускали счетчиков и представителей власти в деревни, угрожали и избивали последних.

Начальник Казанского губернского жандармского управления 3 января 1897 г. сообщал в Департамент полиции: 31 декабря 1896 г. в ходе кампании по распределению переписных участков в деревню Усали Нижнесунской волости Мамадышского уезда прибыли заведующий переписным участком, волостные старшины и писари, сельские старосты и счетчики. Их приезд вызвал возмущение местных жителей, съехавшихся из разных деревень на базар. «Татары, мусульмане ... узнав, что должностные лица прибыли по поводу всеобщей переписи, толпою ворвались в волостное правление и избili находившихся там старост, счетчиков и в числе их священника села Владимировки Самсона Гаврилова и псаломщика Захарова».

Православный священник пытался урезонить толпу именем царя, взялся за висевший на стене портрет Николая II и, указывая на него, сказал, что он священник, прибыл сюда не по своей воле, а воле государя императора. Но это не подействовало: как доносил начальник Казанского губернского жандармского управления, крестьянин деревни Нижних Сунь Садык Исмагилов выхватил портрет и со словами: «... твою мать, ты кресты носишь» — ударил им об стол так, что корона, скипетр и держава, бывшие наверху рамки портрета, разлетелись и сама рамка частью испортилась»²⁸.

Через шесть дней после этого события, 9 января 1896 г., казанский губернатор сообщал министру внутренних дел: «...распространившееся по поводу всеобщей переписи волнение среди татарского населения в настоящее время усиливается, в особенности в Казанском, Мамадышском и Чистопольском уездах, несмотря на разосланное мною успокоительное извещение о том, что после переписи никаких изменений в татарских школах и мечетях не будет»²⁹. Из этой оговорки следует, что татары боялись закрытия своих мечетей и магометанских школ в результате проведения переписи.

Возмущение предстоящей переписью среди татар Казанской губернии было столь сильным, что переросло в общее противостояние: «В некоторых местностях ... татары, оказывая полное неуважение местным властям, не только не допускают производства переписи, но отказываются исполнять требования начальства и по другим предметам, не выпуская из деревень своих мулл и должностных лиц сельского управления». Поэтому казанский губернатор вынужден был запросить у командующего войсками Казанского военного округа воинские команды. Две роты были отпавлены в Мамадышский уезд и три роты — в Казанский³⁰.

Волнения из этих уездов быстро перекинулись и на остальные. В донесении об итогах переписи 28 марта 1897 г. казанский губернатор писал министру внутренних дел: «Волнением было охвачено почти все свыше 600-тысячное татарское население десяти уездов Казанской губернии, хотя в Свияжском и Чебоксарском уездах движение это выразилось лишь в отказе принятия брошюр о переписи и временном недопущении счетчиков»³¹.

В этом донесении ярко характеризовались случаи народной агитации, проводившейся в деревнях против проведения переписи: «В татарских деревнях днем и ночью собирались самовольные сходы, на которых обсуждались волнующие население вопросы и принимались решения быть твердыми к недопущению у себя переписи, в обществах стали пользоваться влиянием лица весьма неблагонадежные, большей частью отбывшие уже наказание в тюрьмах и арестантских ротах, или же не имеющие прочной оседлости отставные солдаты, не стеснявшиеся открыто заявлять о том, что войско для них не страшно, так как стрелять в народ нельзя, как нельзя и наказывать татар розгами, и даже о том, что в случае надобности к ним (татарам. — А. С.) на помощь придут войска из Турции»³².

Губернатор сообщал, что из Казани были высланы на подводах военные команды: 9 января — три роты в город Арск Казанского уезда, 10 января — 2 роты в Лагилевский и Мамадышский уезды, 13 января — две роты в город Чистополь³³, т. е. в Казанской губернии волнения в связи с проведением переписи охватили не только жителей деревень, но и горожан, «было арестовано до 600 подстрекателей, из коих наказано по основательному возбуждении степени виновности каждого из них 68 человек, в отношении же остальных предложено было местным властям привлечь виновных к ответственности в общем порядке»³⁴.

Казанские татары пытались подстрекать против проведения переписи и мусульман соседней Симбирской губернии. Начальник Симбирского губернского жандармского управления 16 января 1897 г. доносил в Департамент полиции: «Еще в конце декабря месяца стали распространяться слухи, что татары не будут допускать счетчиков для переписи, действительно в Симбирском уезде в начале января появились татары-посланцы из Казанской губернии с целью убедить татарское население того уезда не допускать счетчиков, но вскоре были открыты приставом 1-го стана и высланы обратно в пределы Казанской губернии».

Однако отрицательное отношение татар Симбирской губернии к переписи имело место; правда, его удалось переломить. В этом же донесении начальник жандармского управления сообщал: «...В некоторых деревнях, населенных татарами, таковые оказали противодействие счетчикам... туда немедленно отправлены становой пристав и земский началь-

ник, и когда им была внушена цель переписи, то они успокоились и допустили счетчикам продолжать перепись. Пока все спокойно. О чем имею довести до сведения Департамента полиции»³⁵.

Наряду с Симбирской губернией волнения имели место и в Самарской. Здесь пришлось задействовать войска — четыре роты в Бугульминском и одну в Самарском уездах. Как сообщал председатель Саратовской судебной палаты министру юстиции, причинами брожений среди татар Бугульминского уезда явились опасения о переводе их в результате переписи в православную веру³⁶. Начальник Самарского губернского жандармского управления доносил 17 января 1897 г. в Департамент полиции: губернатор совершил специальную поездку в татарскую деревню Карлигач, где имели место волнения, рассказал о значении предпринимаемой переписи, потребовал выдачи зачинщиков и подстрекателей. Татары, встретившие губернатора хлебом и солью, стоя на коленях, выдали 11 человек, «благодарили губернатора за разъяснение пугавшего их вопроса о переписи и объяснили, что теперь они препятствовать исполнению переписи не станут, но раньше препятствовали и волновались по примеру соседней деревни Кувакдаш, а также и потому, что никто будто бы им толком значение переписи не объяснил»³⁷. В этот же день из соседних деревень старшины и старосты пришли с докладом к губернатору «о прекращении волнения в своих деревнях» и также представили зачинщиков. Всего было выдано 33 человека, девятых приговорили к наказанию — по 100 ударов розгами³⁸.

Информация губернаторов уральских губерний и начальников губернских жандармских управлений в Департамент полиции о ходе переписи, отчеты уездных и губернских переписных комиссий свидетельствуют, что различные слухи и толки, тревожные настроения в связи с проведением переписи имели место и на Урале. Свидетельства об ожидании малоземельными крестьянами прирезки земли, торговцами и ремесленниками — введения новых налогов имеются в отчетах Яранской уездной переписной комиссии Вятской губернии, Бирской и Стерлитамакской комиссий в Уфимской губернии. Председатель Бирской уездной комиссии сообщал в Уфимскую губернскую: «Некоторые, ожидая нарезки земли, прибавляли мнимых членов семьи, и наоборот, другие, опасаясь подушных налогов, убавляли мужской состав семьи, не записывая мальчиков»³⁹.

Среди раскольников отмечались апокалиптические настроения: в отчете Осинской уездной переписной комиссии Пермской губернии сообщалось, что в этом уезде некоторые из сектантов «раздавали имущество, предвидя кончину мира, ходили босыми ногами по снегу»⁴⁰. В Вятской губернии Яранская уездная переписная комиссия отмечала: «...перепись в понятиях простонародья имеет мистический оттенок, до-

ходивший до нелепостей...»⁴¹, правда, конкретных данных об этом не приводилось. В Ювинской волости Красноуфимского уезда Пермской губернии татары деревни Усть-Баяки заявили земскому начальнику, что не позволят провести перепись, так как «не хотят быть крепостными господина министра финансов, которому государь император подарил четыре губернии со всем их населением, в том числе Пермскую, и с этой целью изволил привести в известность число будущих крепостных господина министра финансов»⁴².

Особенно много слухов проведение переписи породило среди татар и башкир Уфимской губернии. Причиной многих из них стал неверный перевод отдельных слов из брошюры «Первая всеобщая перепись». Призванная растолковать народу необходимость проведения переписи, эта брошюра, напротив, привела в смущение многие тысячи мусульман. Прокурор Уфимского окружного суда 25 января 1897 г. представлял прокурору Казанской судебной палаты: «...на второй странице переписного листа формы А слово глухонемой переведено “чукрак”, оно в Уфимской губернии не употребляется. Слово “глухонемой” обычно переводится как “сизсангроу”. Слово же “чукрак” сходно со словом “чукниак”, означающее “крещеный”». Поэтому это «...крайне смущало башкир и татар и в нем они усматривали намек на будущее крещение магометан».

Указание брошюры, что сведения о точном количестве населения имеют большое значение при устройстве школ, истолковывалось мусульманами в том смысле, что «правительство имеет намерения открыть в магометанских селениях школы и путем воспитания детей в направлении, соответствующем правилам православной веры, подготовить их к крещению».

Подобные настроения подогрелись тем, что в 1888 г. правительство потребовало от мулл неперменного знания русского языка, в 1892 г. запретило употребление в мусульманских школах книг, напечатанных вне России и не пропущенных цензурой. «Такое изъятие из магометанских школ книг, которым магометане придают столь важное в смысле укрепления юношества в магометанской вере значение, в связи с требованием от мулл неперменного знания русского языка» оказало, по мнению прокурора Уфимского окружного суда, очень негативное воздействие на мусульман, расценивших их как шаги к обрусению и крещению в православие.

Указание в брошюре на предстоящее будто бы открытие в магометанских селениях школ служило, по мнению магометан, прямым доказательством намерения правительства в недалеком будущем окрестить всех их в православную веру⁴³.

Судя по донесению начальника Вятского губернского жандармского управления в Департамент полиции от 22 января 1897 г., волнения про-

шли и среди мусульман Вятской губернии: «Причинами волнения магометанского населения были слухи, пришедшие из смежных уездов Казанского и Мамадышского Казанской губернии о том, что правительство будто бы намерено приписать магометан к русским и затем, последовательно закрывая в селениях мечети, учреждая вместо татарских училищ русские школы и крестя обучающуюся молодежь, в конце концов достигнуть полного уничтожения татарской народности, ассимилируя их с православными»⁴⁴. Ясно, что слухи, родившиеся среди казанских татар, наиболее активных противников переписи, распространились на татар не только Симбирской губернии, но и Вятской.

Начальник Вятского губернского жандармского управления раскрывает обстоятельства появления подобных опасений в среде мусульман: во-первых, «на перекрестках дорог поставлены столбы с дощечками с надписью селения и нарисована рука с указательным пальцем, последнее обстоятельство, изображая собой благословение, как бы указывало священникам, куда они должны идти крестить магометан, и что на это им дается благословение; во-вторых ... на короне государственного герба, находящегося на значках счетчиков и на переписных бланках, имеется крест, и в-третьих, самым важным указанием на грядущую опасность» явилось то, «что даже в брошюре, изданной по поводу переписи, прямо сказано, что правительство будет учреждать вместо магометанских училищ русские школы».

Действительно, в брошюре «Первая всеобщая перепись», переведенной на татарский язык, русское слово «школа» не было переведено на татарский словом «медресе», что означает училище, где преподают мульты. Слово «школа» было оставлено без изменений, лишь русские буквы заменялись однозвучными татарскими. Мусульмане школой называли училище, где преподают православное духовенство и русские учителя⁴⁵.

По этим причинам на Урале выступления отмечались в Вятской губернии в Малмыжском уезде, в Пермской губернии в ряде волостей Красноуфимского уезда, где проживали мусульмане, в Уфимской губернии в пяти из шести уездов: Златоустовском, Уфимском, Бирском и особенно в Белебеевском и Мензелинском.

В представлении прокурора Уфимского окружного суда прокурору Казанской судебной палаты приводится обобщенное описание протеста мусульман Мензелинского уезда Уфимской губернии: «Как только в деревню приезжали счетчики с намерением приступить к производству переписи, все мужское население выбегало на улицу и собиралось в толпу; к ней очень часто присоединялись и жители соседних деревень, так что собравшаяся толпа состояла иногда из тысячи и более человек. Эта толпа всегда встречала счетчика очень враждебно, объявляя ему, что не допустит переписи и советовала ему немедленно уезжать, грозя в противном

случае насилием и даже лишением жизни. При более настойчивом требовании допустить производство переписи толпа набрасывалась на счетчика и сопровождавших его должностных лиц крестьянского управления, наносила им побои и изгоняла из деревни. Почти все магометанские селения Мензелинского уезда отказались допустить производство переписи и старались всеми средствами противодействовать ее производству»⁴⁶.

Отчет Малмыжской уездной переписной комиссии, адресованный Вятской губернской комиссии, содержал показания избитого татарами деревни Ново-Мерзянки счетчика: «... Кричали: — “Не дадишь переписывать! Ты хочешь всех крестить, лохматый голова! Приходи хоть с урядником, хоть со становым, хоть сам земский начальник приезжай, не пустим, убьем!”»⁴⁷.

В донесениях местных властей подчас можно найти весьма колоритные описания противодействия местного населения переписной кампании. Таков, например, случай с земским начальником Тараборским, приехавшим разобрататься в ситуации в деревне Ахметьевой Мензелинского уезда, где накануне выгнали и избili счетчиков. Начальник Уфимского губернского жандармского управления сообщал в центр, что разговор с возбужденной толпой татар у земского начальника не получился и ему самому пришлось спастись бегством: «[Он] вбежал в комнату и, видя, что она настолько мала, что в ней ему нельзя будет обороняться, если только туда ворвутся хотя бы несколько человек, бросился к окну ... Лишь только он высунул голову, как несколько татар подбежало к окну и Ситдик Зарифов ударил его жердью по голове. Хотя на голове Тараборского была меховая шапка, но удар был настолько силен, что Тараборский потерял на мгновение сознание, в это время несколько человек схватили его за руки и за плечи и потащили через окно, но ему удалось вырваться. Перед окном собралась целая толпа с жердями и палками, и как только Тараборский хотел высунуть голову, чтобы начать говорить с толпой, стоявшие подле стены ударяли жердями, но не попадали по голове, т. к. Тараборский быстро скрывался в комнату. При этом толпа кричала, ругала и грозила его убить и утопить, если он только пойдет в какую-либо деревню производить перепись»⁴⁸.

Начальник Пермского губернского жандармского управления сообщал, что к жителям этой деревни «примкнули татары деревни Каянкова и, несмотря на долгие увещевания земского начальника, счетчиков не пускали. Муллы вели себя крайне двусмысленно. Но угроза земского начальника, обращенная непосредственно к ним, имела своим последствием то, что на следующий день волнение стихло и все татары были внесены в переписные листы»⁴⁹.

В Красноуфимском уезде из Агафоновской волости волнение передалось в соседнюю Молебскую волость, где в деревне Бирма на старосту

Сергеевых и счетчика Холиных было произведено нападение толпы татар более чем в сорок человек, не имевшее для них роковых последствий только благодаря тому, что Сергеевых вынул из кармана револьвер и угрожал застрелить того, кто подступит близко.

В других волостях возбуждение выражалось ропотом и недружелюбным отношением к счетчикам, что, однако, не помешало этим последним заполнить переписные листы⁵⁰.

Подобная реакция мусульман края застала врасплох представителей власти. Так, в уже упоминавшемся представлении прокурора Уфимского окружного суда находим: «Волнения (в Мензелинском уезде. — А. С.) проявились столь внезапно, что зав. переписными участками земские начальники сначала даже не поверили доходившим до них слухам о том, что магометане откажутся допустить производство переписи, и в конце декабря послали счетчиков во все магометанские селения, но счетчики почти повсюду не были допущены к начатию переписи»⁵¹.

Даже после этого местная власть недооценивала или, может быть, пыталась скрыть действительные масштабы протеста. В фонде Департамента полиции есть донесение уфимского губернатора Богдановича министру внутренних дел от 2 января 1897 г., в котором говорилось о «нескольких единичных случаях недоразумений по поводу предстоящей переписи». Далее сообщалось о предпринятых мерах по устранению затруднений: специальные указания Оренбургского муфтия муллам, указания и распоряжения губернской власти, разъяснительная работа земских чиновников и др. Заканчивался документ словами: «... успех принятых мер дает мне ручательство, что и впредь удастся без особого труда избежать сих нежелательных явлений»⁵². А следующим документом в деле идет посланная Богдановичем через два дня (4 января 1897 г.) зашифрованная телеграмма: «В пределах Мензелинского уезда возникли по поводу переписи среди магометан беспорядки, требующие, по заключению местных властей, приглашения военных команд»⁵³.

Позднее, на заседании Главной переписной комиссии 28 января 1897 г., было оглашено представление уфимского губернатора Богдановича с просьбой о выделении дополнительной суммы Мензелинской уездной комиссии на покрытие непредвиденных расходов: на отправку телеграмм в связи с волнениями было выделено 50 рублей⁵⁴.

В секретном донесении, отправленном 23 января 1897 г. уфимским губернатором министру внутренних дел, сообщалось: «... Волнение в западных волостях Белебеевского уезда вполне улеглось, и к переписи удалось повсеместно вновь приступить с прибытием уже первой (Златоустовской) роты, вторую же (Борисовскую) вследствие сего оказалось возможным немедленно по прибытии передвинуть в Мензелинский уезд в распоряжение г. вице-губернатора ... К оружию нигде прибегать не

пришлось... сопротивление прекращалось зачастую еще до появления команд»⁵⁵.

Губернатор сообщал, что в ходе следствия установлено «пока два выдающихся случая насилия. В селах Ахметьево, где толпа побила земского начальника Тараборского, и Мелитамак, где насилью подвергся становой пристав. В остальных местах сопротивление выражалось главным образом или в простом отказе давать ответы счетчикам, или в том, что последние были прогоняемы, иногда и с насилием над ними, и уничтожением переписных листов».

В донесении Уфимского губернатора содержится развернутая характеристика условий, способствовавших волнениям татар и башкир: «Имеющиеся пока данные доказывают, что причины всех волнений главным образом коренятся в исторически сложившемся недоверии магометан ко всякой новизне, в которой они всегда склонны видеть опасность для своей веры, в невежестве и легковёрности магометанских сельских масс, готовых поверить всякому самому вздорному слуху, раз он связывается, хотя бы совершенно неверно, с вопросом о их религии».

Каких-либо происков извне, каких-либо особых агитаторов пока не обнаружено, и таковых, вероятно, совсем не было; было много самых вздорных фантастических рассказов, много неуместных или неосторожных шуток со стороны христиан, даже со стороны самих счетчиков, и всякий такой случай при недоверчивом и возбужденном настроении магометан был достаточен, чтобы вызвать в данной местности волнение.

Несомненно, что в иных случаях возникновению беспорядков способствовала и недостаточная энергия или тактичность некоторых земских начальников. Там же, где последние своевременно и умело ознакомили население с предстоящей переписью, всяких волнений удалось избежать».

Губернатор ставит в пример земского начальника 8-го участка Мензелинского уезда Хирьякова. Если в соседних 6, 7 и 9-м участках того же уезда «волнения были особенно сильны», то на участке Хирьякова, благодаря его «энергии и тактичности перепись не вызвала ни одного недоразумения, все население, его знающее и любящее, слушалось как один человек, и команде не пришлось вступать в границы его участков...»⁵⁶.

Из донесения губернатора следует, что высшее мусульманское духовенство — ахуны с Оренбургским муфтием во главе — рассматривали перепись как важнейшее государственное мероприятие и старались помочь ее проведению. Они прилагали все усилия к устранению возникавших недоразумений, вразумляли волновавшихся единоверцев, и им удалось прекратить эти волнения. Низшие же представители духовенства — муллы, хатыпы и имамы — относились к беспорядкам неодинаково,

некоторые, наиболее невежественные, сами принимали в них деятельное участие⁵⁷.

«Земский начальник 10-го участка Белебеевского уезда Моллесон, осажденный в Куручевской волости толпой буйствовавших башкир в несколько сот человек, мог спастись от насилия и спокойно уехать за полицией и командой лишь благодаря помощи, оказанной ему двумя местными муллами, успокоившими толпу и уговорившими ее дать дорогу земскому начальнику», — сообщал губернатор. По его словам, «деятельность магометанского духовенства в минувших беспорядках проявилась в успокоении и вразумлении населения, увлечения же противоположного рода ... были лишь единичными, исключительными явлениями...»⁵⁸.

Из отчета Бирской уездной комиссии следует, что муллы привлекались там счетчиками мусульманского населения, и это способствовало успешному проведению переписи. Например, на одном из переписных участков (шестом) муллы трех мечетей «много способствовали прекращению начинавшегося брожения в районе»⁵⁹.

В первой половине января 1897 г. беспорядки по поводу подготовительных работ к переписи происходили в Малмыжском уезде Вятской губернии — в селениях волостей Нолинской, Янгуловской, Арбаревской, Сардыкбашской, Кошкинской и Вятско-Полянской. Об этом сообщил в Департамент полиции начальник Вятского губернского жандармского управления 22 января 1897 г. Беспорядки выражались в «шумных сходках, парализовавших действия земских начальников и полиции»⁶⁰.

Определенную роль в успокоении вятских татар сыграл сам губернатор: 11 января он прибыл в город Малмыж, объехал места, охваченные волнением, опровергал ходившие в народе нелепые слухи. Но в деревне Уры татары на сходе заявили, «что желают жить по-старому и переписи не допустят». Полиция вытащила зачинщиков из толпы, «им дали по 20 ударов розог, и перепись состоялась в тот же день»⁶¹. Начальник Вятского губернского жандармского управления считал, что на этом «татарские волнения в настоящее время можно считать законченными»⁶².

В Уфимской губернии судебными властями на 23 января было арестовано около 100 человек. Губернатор отмечал, что часть арестованных можно было бы и освободить, «но в видах обеспечения успеха переписи» по соглашению с прокурором Уфимского окружного суда решено было продержать всех обвиняемых под стражей до конца переписи»⁶³. Как ясно из донесения губернатора министру внутренних дел от 18 сентября 1897 г., уфимский окружной суд приговорил к заключению «по делам о сопротивлении при производстве переписи» 28 человек на срок от двух месяцев до года и четырех месяцев. Остальных обвиняемых оправдали⁶⁴.

В Стерлитамакском уезде Уфимской губернии перепись прошла спокойно, иногда мужики говорили: «Народу много стало, и счет потеряли,

вот и считают»⁶⁵. В отчете переписной комиссии этого уезда отмечалось: «Башкиры, несмотря на то, что не имеют школ мектебе и медресе, относились к переписи с большим доверием, чем татары... имеющие их. Были случаи, когда без всякого распоряжения в день переписи, 28 января, жители сами делали заставу и не выпускали никого из деревни до тех пор, пока счетчик не окончит переписи»⁶⁶.

В Уржумском уезде Вятской губернии, судя по отчету уездной комиссии, «татарское население к переписи относилось вообще недоверчиво, но и тут перепись была произведена тихо и спокойно», несмотря на то, что в пограничной Казанской губернии среди татар происходили волнения. Удачное производство переписи татарского населения в Уржумском уезде было отнесено на счет «тактичности и распорядительности заведующих (переписными участками. — А. С.) и к дружному солидарному содействию им в этом духовных лиц магометанского вероисповедания, чинов полиции и должностных лиц волостного и сельского управления»⁶⁷.

В отчете уфимской губернской переписной комиссии констатировалось: «Во всех местностях с русским населением, не исключая и раскольников, а также в огромном большинстве местностей с инородческим населением перепись совершалась беспрепятственно, большей частью относительно равнодушно. Только в немногих местностях Уфимского, Златоустовского, Бирского уездов, больше в Белебеевском и почти повсеместно в Мензелинском уезде магометанское население по невежеству и религиозному фанатизму отнеслось к переписи недоверчиво или же прямо враждебно вследствие убеждения, что после переписи будет предпринято насильственное обращение магометан в христианство»⁶⁸.

Таким образом, недостаточная подготовительная работа по проведению переписи в России в 1897 г., отсутствие своевременных четких разъяснений, особенно в среде мусульман, осложнили ее проведение, вызвали много смятений, волнений среди некоторых слоев населения. Проведение переписи полностью опровергло мнение вице-председателя Главной переписной комиссии П.П. Семенова, высказанное им на первом заседании комиссии в 1895 г., что, несмотря на новизну дела, перепись в селах России может пройти даже с большим успехом, чем во многих других государствах, так как «наше сельское население дисциплинированное и более привыкло подчиняться требованиям власти, чем население многих других государств»⁶⁹.

¹ Плющевский-Плющик Я.А. Отчет уполномоченного для объединения действий местных учреждений по Первой всеобщей переписи населения 28 января 1897 г. в Тверской, Ярославской и Костромской губерниях // Временник Центрального статистического комитета МВД. № 45. СПб., 1898. С. 6.

- 2 Журналы Главной переписной комиссии, 18 ноября 1895 — 30 мая 1897 гг. СПб., 1898. С. 251.
- 3 См.: Там же. С. 259.
- 4 См.: Там же.
- 5 *Плющевский-Плющик Я.А.* Отчет уполномоченного... С. 23.
- 6 Там же. С. 27, 36.
- 7 ГАСО. Ф. 342. Оп. 1. Д. 2. Л. 7.
- 8 Там же.
- 9 Журналы Главной переписной комиссии... С. 9.
- 10 Там же. С. 259.
- 11 См.: ГАСО. Ф. 342. Оп. 1. Д. 2. Л. 24.
- 12 *Плющевский-Плющик Я.А.* Отчет уполномоченного... С. 35.
- 13 Там же. С. 55.
- 14 См.: Там же. С. 52.
- 15 Там же. С. 34.
- 16 Биржевые ведомости. 1897. № 46, 16 февраля.
- 17 Народ. 1897. 16 февр.
- 18 *Плющевский-Плющик Я.А.* Отчет уполномоченного... С. 52.
- 19 Там же. С. 53.
- 20 Там же. С. 52—53.
- 21 Там же. С. 53—54.
- 22 См.: Там же. С. 55.
- 23 См.: Там же. С. 53.
- 24 РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 119. Л. 10.
- 25 ГАРФ. Ф. 102. Оп. 53. Д. 148, ч. 1. Л. 336—336 об.
- 26 Журналы Главной переписной комиссии. С. 271.
- 27 Там же. Л. 368 — 368 об.
- 28 Там же. Л. 107-108.
- 29 ГАРФ. Ф. 102. Оп. 53. Д. 148, ч. 1. Л. 154.
- 30 См.: Там же. Л. 154-155.
- 31 Там же. Л. 346.
- 32 Там же. Л. 346 об.
- 33 См.: Там же. Л. 341.
- 34 Там же. Л. 349.
- 35 Там же. Л. 232.
- 36 См.: Там же. Л. 111.
- 37 Там же. Л. 233 об.
- 38 См.: Там же.

- ³⁹ РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 172. Л. 212; Д. 245. Л. 110об., 433.
- ⁴⁰ Там же. Д. 212. Л. 392 об.
- ⁴¹ Там же. Д. 172. Л. 212.
- ⁴² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 53. Д. 148. Ч. 1. Л. 247—247об.
- ⁴³ См.: Там же. Л. 317.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же. Л. 305 об. — 306.
- ⁴⁶ Там же. Л. 317 об.
- ⁴⁷ РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 172. Л. 259.
- ⁴⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 53. Д. 148, ч. 1. Л. 321—321об.
- ⁴⁹ Там же. Л. 247 об.
- ⁵⁰ См.: Там же. Л. 248.
- ⁵¹ Там же. Л. 316.
- ⁵² Там же. Л. 127—128.
- ⁵³ Там же. Л. 129.
- ⁵⁴ См.: Журналы Главной переписной комиссии... С. 274.
- ⁵⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 53. Д. 148, ч. 1. Л. 251.
- ⁵⁶ Там же. Л. 254—254 об.
- ⁵⁷ См.: Там же. Л. 254 об.
- ⁵⁸ Там же. Л. 254 об.
- ⁵⁹ РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 245. Л. 6.
- ⁶⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 53. Д. 148, ч. 1. Л. 254 об.
- ⁶¹ Там же. Л. 306об. — 307об.
- ⁶² Там же. Л. 308.
- ⁶³ Там же. Л. 255 об.
- ⁶⁴ См.: Там же. Л. 389—389 об.
- ⁶⁵ РГИА Ф. 1290. Оп. 10. Д. 245. Л. 433.
- ⁶⁶ Там же. Л. 433.
- ⁶⁷ Там же. Д. 172. Л. 364.
- ⁶⁸ Там же. Д. 244. Л. 8об—9.
- ⁶⁹ Журналы Главной переписной комиссии... С. 8.